

ИДЕАЛЬНА МОДЕЛЬ

Пьетро вышел из машины и огляделся. Кукурузные поля. Мягкие холмы. Краешек солнца показался из-за пологого склона на востоке, и в долину — прямо к нему — потянулись лучи. Пьетро с наслаждением зажмурился и подставил солнцу лицо. Он выехал затемно и по дороге мерз. А когда выбрался из машины, его сразу пробрало от росы, обильно покрывавшей длинные кукурузные листья и гальку, усыпавшую грунтовку.

Следовало, наверное, поспешить. Хотя бы ради чашки горячего чая. Но спешить не хотелось. Вообще не хотелось туда ехать — от этой мысли Пьетро делалось муторно. Она была вполне честной, и эта честность умножалась на чувство вины. Он столько раз обещал себе быть повнимательнее к старухам! Он у них один. Зато их у него — целых восемь. Восемь престарелых тетушек — не слишком ли для одного не очень доброго человека?

Что ж, по крайней мере, все они живут на одном хуторе. Который даже названия собственного не имеет — на карте он значится как «Двадцать пятый километр». Название вводит в заблуждение — на самом деле это весьма неблизкий свет. Двадцать пять километров — только по грунтовой дороге, свернув с асфальтированного, в выбоинах проселка, который, в свою очередь, сбегал с юго-западной трассы часах в полтора езды от черты города. Проселок настолько плох, что когда он заканчивается и сменяется рыжей грунтовкой, похожей на грубо выделанную керамику, Пьетро по привычке благодарит Мадонну и всех апостолов. Если сбросить скорость, ямы не слишком донимают после тряски по проселку. Пыль, вечный спутник машин на грунтовках, прибита росой. Тишину прорезают только шелест мотора и напряженные трели каких-то пичуг.

Сейчас он был один посреди океана кукурузы. В таком полном одиночестве, какого не выдержала бы психика нормального человека, привыкшего к толчее мегаполиса и мгновенному обмену информацией в Сети. Конечно, в машине был встроенный информатор. И, кажется, в кармане лежал еще один — портативный. Но они только вызывали раздражение — как костыли для человека, привыкшего к тому, что его тело — здоровое и гибкое — легко справляется с любыми нагрузками. Все внешние интерфейсы неуклюжи.

Впрочем, воспоминание об этой информационной легкости оказалось смутным, как фантомная боль — и даже оно скоро должно стереться. Пьетро был хорошо подготовлен к заданиям подобного рода — ни привычных движений, ни ощущений, ни даже снов. Возможна такая глубокая чистка подсознания? Если да, то почему ее не используют в промышленных, так сказать, масштабах? Заповеди не велят? Так вот ведь, в его случае Заповеди делают исключение. А раз исключения возможны в принципе, их скоро столько насочиняют — никаких мощностей не хватит поправки строчить.

Солнце поднималось над холмом. Роса высохла. Пьетро, наконец, начал согреваться. Это было странно — не ощущать холода, не передергивать поминутно плечами от озноба. Он не помнил, когда ему было тепло последний раз — даже климат-контроль в машине не позволял согреться. Чтобы не уснул за рулем, что ли...

Он осторожно потянул замок куртки. Все-таки человек — метеозависимое животное. Климат-контроль никогда не заменит ему настоящего солнечного тепла. Пьетро, щурясь, осматривал поля. Хотелось нырнуть в заросли кукурузы и, стряхивая себе за шиворот капли росы, красться куда-то, как настоящий индеец. А потом найти самый толстый початок, отломить его, ободрать листья и съесть. Сырым. Вгрызаться в плотные сладкие зерна. А потом зашвырнуть огрызок подальше в заросли и найти следующий початок.

Пьетро слотнул. Он ощутил, словно наяву, вкус чуть недозрелой кукурузы. Запах свежего початка. Его ладони помнили шершавость листьев, оборачивающих кочан. Как им удастся сделать искусственную память такой натуральной? Или дело в том, что никакая она не искусственная?

Пьетро полез в заросли, надеясь, что на этом отдаленном участке поля нет сигнализации. Он сорвал початок и вернулся к машине. Листья оказались в точности такими, какие помнили его ладони. И вкус тоже был тем самым. Вот только наяву он совершенно не понравился Пьетро. Он без энтузиазма погрыз и, не доев, зашвырнул початок подальше. Память не подвела. Подвело что-то другое.

Пьетро вернулся в машину, завел мотор и поехал к хутору, который виднелся на пологом склоне следующего холма.

***

— Я отказываюсь здесь работать, — кричала женщина с нездоровым цветом лица — Леонора, вспомнил он. — Мне не нужны ваши деньги, если я сойду с ума. О, они сведут меня с ума, без сомнения, — она энергично закивала головой. — Они сами... — она запнулась и с опаской посмотрела

на него, а потом отмахнулась от собственных сомнений, — они сами сумасшедшие старухи, и всех вокруг стараются сделать такими же.

— Хорошо, Леонора, — кротко произнес Пьетро — он научился этому давным-давно, ведь этим сопровождался едва ли не всякий его приезд на этот хутор. — Я вернусь в город и подыщу вам замену. Вы не откажете в любезности подождать еще дня три?

— Три? — они всегда тут же выпускали пар, эти сиделки, когда слышали его спокойный голос и понимали, что он не станет их упрашивать. Они начинали покусывать губы или нервно теревить передник, опускали взгляд, и ему казалось, что он явственно слышит, как шуршит в черепной коробке процессор, подсчитывая барыш и соотнося его с проигрышем.

— О, разумеется. Три дня я потерплю. Возможно, вам понадобится даже больше времени, — вопросительный взгляд. — Ну, кого попало на такую работу не наймешь...

— Нет-нет, я понимаю, что вам тут тяжело, — тот же ровный тон. — Благодарю, я могу решить этот вопрос даже скорее.

— Не стоит торопиться, сеньор, — ее речь ускоряется. — Тут вам нужен особый человек. Сеньоры очень... сложные и по-своему ранимые люди.

— Конечно, Леонора. Я всегда это учитываю и подхожу к подбору персонала очень внимательно.

Она с готовностью кивает. Прислуге немного надо, чтобы забыть о скандале, который она собиралась закатить и который репетировала, надо думать, перед зеркалом, последние недели две.

Он улыбается почти виноватой улыбкой.

— Я представляю, как вам тут было нелегко, Леонора.

Она снова кивает. Ее спектакль сорван. Она меняет амплуа. Ее лицо перестраивается, как цветные фрагменты в калейдоскопе — теперь на нем маска заботы.

— Вы так внимательны к своим тетушкам, сеньор. И вы все делаете один!

— Это моя обязанность. У них больше никого нет.

— Но почему вам не перевезти их в специализированное учреждение? Есть же дома престарелых. Лечебницы... Ну, вы же знаете, какие они... беспокойные.

Ну, вот, они уже не сумасшедшие старухи, а всего лишь беспокойные клиенты. Он почти готов улыбнуться.

— Зачем, Леонора? Им хорошо вместе. Они не чувствуют себя покинутыми, больными. Их беспокойное поведение в старости — следствие нелегкой молодости, Леонора. Нам с вами следует об этом помнить.

Она смиренно кивает. Ей хорошо за сорок, но он только что намекнул, что считает ее молодой. Женское тщеславие — инструмент еще более легкий в использовании, чем самодовольство прислуги. Пройдет не так много лет, и Леонора превратится в точно такую же старуху, как и его тетушки. Она будет кричать по ночам, как тетушка Элен. Не отрываясь от экрана, нервно грызть семечки, ничего больше не беря в рот сутками, — как тетушка Анна. А может, она погрузится в выращивание бегоний и, как тетушка Кларисса, будет по ночам сидеть в засаде с допотопным дробовиком — в ожидании воров, которые покусятся на ее сокровища, чья цена ниже, чем цена пластикового горшка, в который они посажены. А еще она будет проедать плешь прислуге — за пересоленный суп (вы хотите моей смерти, милочка, я знаю — но негоже продемонстрировать это так откровенно), за складку на переднике (я понимаю, почему вас никто не взял замуж, дорогуша, — вы такая засранка), будет выплескивать горничной на руки слишком горячий, по ее меркам, чай (вы хотели, чтобы я обварила себе язык, девочка?) Просто потому, что она сама побывала в прислугах, и знает, как это должно быть. А еще потому, что эта горничная, хоть и не слишком молода, все равно наверняка ее переживет.

Будущее Леоноры — а до нее Беаты, Зинаиды, Мариам и прочих, чьих имен он уже не вспомнит, — написано на ее лице. Даже если она сумеет перебраться с Двадцать пятого километра в тот мир, в который так стремится и о котором ничего не знает. Не в том дело, что этот мир не совсем такой, каким она его себе представила — не многие из них смогли бы в нем жить, даже если бы он оказался в точности таким.

Его мысли прерывает появление тетушки Марисы. Она энергично машет рукой, спускается с крыльца и ковыляет ему навстречу.

— Мой мальчик, — она обхватывает костлявыми пальцами его лицо и резким движением наклоняет его голову, чтобы поцеловать в лоб. — Я говорила этой карге — твоей тетке, что тебя следует ждать на днях. Вот только третьего дня говорила. И что?

Она кричит так, чтобы наверняка услышала «эта карга» — тетушка Анна, догадывается он.

— И что, я спрашиваю? — ее голос пронзителен и по-старчески надтреснут.

Он поднимает глаза и замечает в окошке мансарды за отогнутой белоснежной занавеской лицо тетушки Анны. Ее губы складываются дудочкой, когда их глаза встречаются. Тетушка Анна считает, что это признак хорошего воспитания — показать, как ты удивлен приходу гостей. Он приезжает на этот хутор каждые три месяца уже много-много лет — и тетушка Анна всегда встречает его этой пантомимой.

— И вот, он приехал, — теперь тетушку Марису наверняка хорошо слышно на трассе, а может, и у самого Престола Славы Господней, к которому она обычно взывает, когда сталкивается с несправедливостью — то есть примерно каждый час.

Она продолжает кричать, пока они все вместе пересекают дворик. Пьетро автоматически отмечает, что собака прихрамывает, а кошек стало больше — кошки тяготеют к старухам, а вот собакам рядом с ними не так уютно. Они поднимаются на крыльцо, заботливо обставленное ящиками с бегониями — тетя Мариса продолжает кричать, и можно быть уверенным, что в кухне уже выстроился почетный караул из семи прочих тетушек. Он заранее слегка наклоняется — в кухне низкая притолока, он это прекрасно помнит. К тому же необходимо перецеловаться со всеми тетушками. Когда дело доходит до высокой и прямой, как палка, тетушки Элен, и можно, наконец, слегка разогнуться, спина ноет, ноздри щекочет от запаха старомодной парфюмерии, смешанного с ароматом свежей извести — тетушка Дамиана белит кухню раз в три месяца. В незапамятные времена она работала санитаркой. И эти времена действительно были незапамятными, потому что она успела повидать холеру и брюшной тиф и чем-то из этого даже болела. Тетушка Дамиана уже не помнит, чем именно она болела, но хорошо помнит, как это было ужасно. Поэтому после визита племянника, приезжающего из города — по ее убеждению, рассадника всевозможной заразы — стены кухни неукоснительно вытравливаются едкой известью. Тетушка Дамиана не верит, что есть более эффективные средства.

Потом они все переходят на террасу, рассаживаются там и молча переглядываются в ожидании чая. Тетушки по очереди исчезают в направлении на кухни, чтобы снабдить Леонору указаниями по поводу заварки чая, сервировки и хороших манер. Указания категоричны и противоречат друг другу. Если бы вкус чая зависел от настроения человека, который его готовит, в это утро чай на террасе напоминал бы хину.

Чай пьют в молчании, прерывающемся короткими просьбами что-то передать, и Пьетро может без помех поблагодарить про себя Мадонну и всех апостолов по очереди, что опоздал к завтраку — на что со всей строгостью ему указывает тетушка Элен. Дважды. Он отмечает про себя, что у тетушки слабеет память.

Потом он отправляется на прогулку — тетушка Анна уверена, что моцион после завтрака необходим молодым людям. Тетушка Элен ее поддерживает — моцион необходим, даже если молодой человек пропустил завтрак. Он спускается с террасы. За его спиной тетушка Элен и тетушка Лиза громко шипят друг на друга:

— Он сам виноват...

— Элен! Он же мальчик!

— Вот именно. Он должен...

— Он голоден. Он не может ждать обеда вместе с нами!

— Он должен помнить о дисциплине.

— Не все же встают в пять утра, как некоторые!

— Тебе тоже стоило бы поменьше спать, Лиза. Что касается Пьетро, он будет обедать вместе со всеми — и точка.

— Элен!

Пьетро прибавляет шаг. Он действительно голоден. Он может просто зайти на кухню, залезть в холодильник и взять все, что захочет. Или лучше в буфет — там наверняка припасен ломоть медовой коврижки тетушки Лизы. В этой коврижке зубы вязнут, как в куске резины, она проваливается в глотку почти не разжеванными липкими комьями. Она горьковато-сладкая и восхитительная. Он это помнит с детства. Но он уже не тот мальчик, который мог забраться в буфет и слямзить кусочек коврижки. Собственно, это совершенно ни к чему — это он тоже твердо знает.

— Пьетро!

Он оглядывается. Тетушка Мариса семенит следом, победно, словно флагом, размахивая над головой свертком в клетчатой салфетке. Он ждет тетушку. Та отдуваясь, подходит и сует сверток ему в руки. От свертка исходит густой медовый аромат.

— Ты куда это пошел голодный? — вопит тетушка Мариса. — Послушался Элен? Престол Славы Господней! Она всегда была чокнутой! Ешь! Пускай она треснет, эта швабра, вместе со своей дисциплиной!

Тетушка Мариса круто разворачивается и семенит обратно к дому, на ходу засучивая рукава и покашливая для прочистки горла — она готовится к неминуемой схватке, и это приводит ее в ликование.

Пьетро, торопливо откусывая коврижку, идет дальше осматривать хутор.

***

Послеполуденное время посвящено разговорам за чаем в маленьком садике, щедро уставленном горшками с бегониями.

— Они не будут вместе на следующей же неделе, Кларисса, — раздраженно говорит тетушка Элен, ритмично ударяя пальцем по краю стола. — Рауль и Роза слишком разные люди. Они ни за что не сблизятся так быстро. Что за фантазии?

— Но так считает Дорси Миллер, — растерянно произносит тетушка Лиза.

— Дорси Миллер! Она так считает! — пронзительно восклицает тетушка Мариса, успевшая заключить с тетушкой Элен ситуативный союз. — А я так не считаю! Престол Славы Господней! Я прожила жизнь и разбираюсь в людях чуть-чуть получше юной выскочки!

— Она юная? — так же растерянно переспрашивает тетушка Лиза.

— Да уж помоложе, чем я, — ворчливо отзывается тетушка Мариса.

— А что Рауль и Роза? — вежливо уточняет Пьетро.

— Они сблизятся, — тетушка Элен энергично кивает. — Но не быстро, — повысив голос и в упор поглядывая то на тетушку Клариссу, то на тетушку Анну, добавляет она. — Они разные. Возможно, они сначала станут друзьями. Но любовь...

— Секс.

— Что?

— Ах, Элен, ты такая ханжа... — тетушка Виктория закатывает глаза и кончиками пальцев смахивает осыпавшуюся тушь. — Это будет просто секс.

— У них не может быть просто секса! — возмущенно произносит тетушка Дамиана.

— У кого угодно может быть просто секс, — решительно отвечает тетушка Мариса.

— Что это вообще такое — ваш «просто секс»? — возмущается тетушка Элен. — Два человека ни с того ни с сего ложатся в постель и начинают заниматься сексом?

Тетушка Виктория фыркает и подмигивает племяннику.

— Ты все-таки ханжа, Элен. Почему именно в постель? Вот, скажем, эта космическая кошка...

— О, нет, избавь нас от пересказа бездарной порнографии, Вики! — хнычет тетушка Анна.

— Между прочим, это действительно снималось в невесомости. Все по-настоящему, — тоном не терпящим возражений произносит тетушка Виктории. — Вы хоть представляете себе, как это — трахаться в невесомости? Да еще в таких позах! Матерь Божья, что они вытворяют! У них есть чему поучиться!

Она поворачивается всем телом к племяннику.

— Пьетро, ты должен это видеть. Посмотри этот «Стар секс». Второй или третий сезон. Первый — муть, не трать время. Не помню, по какому каналу... В общем, в любом порночарте в разделе «космическая опера».

— «Стар секс»? — уточняет он.

— Не забивай мальчику голову, Вики, как тебе не стыдно? — на впа-
лых щеках тетушки Элен появляются розоватые полосы.

Но тетушка Виктория не обращает внимания. Вернее, обращает — ей нравится досаждать тетушке Элен, старой деве, синему чулку, которая всю жизнь попрекала ее за распутство. За распутство, которое выразилось в одном неудачном побеге в четырнадцать лет с укротителем тигров из проезжего цирка — побега, который окончился через три недели бурной страсти арестом укротителя и водворением Вики в Семейный дом строгих нравов. Она так и прожила в нем всю свою жизнь — сначала воспитанницей, потом воспитательницей.

— Пьетро, не слушай ее, — требует тетушка Элен. — Если и есть смысл заниматься прожиганием времени перед телевизором, лучше сделай это в компании Дария Пятого...

— О, нет, — стонет тетушка Мариса. — Какая муть, Престол Славы Господней! Назидательная мутная муть...

Она уже забыла о союзе. Тетушка Элен чувствует себя преданной.

— Это рекомендует Дорси Миллер! — восклицает она. — И мальчику это будет полезно.

— Ах, милый Пьетро, — тетушка Полина, до сих пор сидевшая молча за своим вечным рукоделием, названия которого он не знал, но мог оценить результат — длинное полотно сплошного кружева. — Милый Пьетро...

Она порывисто поднимается из-за своего рабочего столика, который следует за ней, как собачка, из комнаты в комнату, из дома в сад, не глядя кладет на него все, что держала в руках, подходит к Пьетро и гладит его по голове.

— Милый маленький Пьетро, — снова повторяет она. — Он уже совсем не тот мальчик, каким мы все его помним, девочки. Посмотрите, он мужчина. Ему неинтересно, что мы с вами смотрим, о чем говорим...

Она гладит его по голове. А он борется с желанием то ли отшвырнуть ее от себя, то ли разреветься, уткнувшись носом ей в живот.

Если бы это не была тетушка Полина...

Когда-то она решила, что его отец недостоин ее кухни. И оказалась достаточно последовательной — в результате их действительно случайный брак распался. Мама занялась построением карьеры, сути которой он, Пьетро, не понимал тогда, и не желал понимать теперь. Тетушка Полина пыталась утешить его отца, и в этом тоже преуспела, как и во всем, за что бралась. Отец покончил с собой — выскочил из окна после очередного трехчасового чата с тетушкой Полиной. С тех пор она плетет свое круже-

во. Она безутешна. Она чувствует себя вдовой. Хотя она была очень привлекательной женщиной и могла выйти замуж восемь раз, пока ее кузины еще считали, а потом им надоело считать, хотя тетушка Полина все еще оставалась весьма привлекательной. После самоубийства бывшего шурина она переехала сюда, на хутор — самая первая из них из всех — и засела за кружево. Это было так много лет назад, что кружевом можно было бы оплести планету по экватору. Но тетушка Полина постоянно распускала его — где-то вдруг находила некрасивый узелок или петельку — и начинала сначала. Постепенно сюда же, на хутор перебрались все ее сестры. Все, кроме мамы Пьетро, которая просто пропала, строя свою карьеру — она увлеклась и в какой-то момент позабыла, что у нее есть семья. Это никого не удивило. Когда человек живет насыщенной жизнью, ему не хватает времени сначала на то, чтобы скучать по родным, потом на то, чтобы испытывать родственные чувства, потом на то, чтобы вспоминать о них раз в год ради ритуального поздравления с Рождеством. Странно, что все остальные тетушки не растерялись. Каждая из них в какой-то момент вспоминала, что у нее есть сестра Полина, которая живет на хуторе среди кукурузных полей и наверняка очень нуждается в обществе.

А потом здесь появился он, Пьетро, и с тех пор приезжал к своим теткам каждые три месяца. То есть он бывал здесь и раньше, в детстве, но тогда он еще не знал, почему. Мама ушла делать карьеру, когда ему исполнилось пять месяцев. С тех пор тетки по очереди передавали его друг другу и занимались его воспитанием. Вернее, прислеживали за тем, чтобы он не залез в розетку, не обварился кипятком и не выпил бутылочку сиропа с парацетамолом. Потом, когда он перерос основные угрозы, его отдали в семейный дом. Об угрозах, которые ждали его там, никто не подумал. Или подумал, что столкнуться с ними ему будет полезно. Вот тетушка Элен наверняка так и подумала. Когда ему надоело считать, сколько раз он успел пожалть, что в раннем детстве не залез в розетку и не выпил бутылочку парацетамола, он превратился в одного из множества оболтусов, которые не могли поверить, что можно ходить иначе, чем строем, есть иначе, чем в указанное время и в указанной последовательности блюд, жить одному в целой комнате — не говоря уже о квартире, выходить из нее, когда пожелаешь — хоть ночью, хоть во время, отведенное для работы в инфоцентре.

Поэтому он едва не впал в панику, когда его обучение закончилось, он достиг совершеннолетия и оказался за порогом своего семейного дома.

Первое, что он сделал тогда — поехал навестить своих теток. Машина заглохла, едва он съехал на грунтовку — она не была предназначена для поездок вне города, ее погубила пыль. И он шел двадцать километров по

необозримым полям. В самом начале похода его стошнило от ужаса — он едва успел соскочить с дороги. Он привык неделями не выходить на улицу — семейный дом был огромным комплексом соединенных между собой жилых и учебных блоков, в каждый из которых можно было попасть по внутренним переходам. Стояла весна, и кукуруза еще не успела вырасти достаточно высоко, чтобы создать хотя бы иллюзию стен. А огромное небо вгоняло в панику. Пьетро втягивал голову в плечи и едва справлялся с желанием прикрыть голову руками.

К счастью, это не была настоящая фобия — просто страх. Страх, который он почему-то вспомнил сейчас, пока тетушка Полина гладила его по голове, приговаривая что-то о «мальчике Пьетро». Он бы уткнулся ей в живот носом, остался бы здесь в надежде получить все то, чего не получил в детстве — когда это было ему положено по статусу, по чину, по законам природы — и, наконец, перерасти это и повзрослеть.

Если бы это не была тетушка Полина...

Он отстраняется и отводит в сторону руку тетушки.

— Вы правы, я уже не мальчик, — говорит он как можно мягче.

Тетушка Полина удовлетворенно кивает и возвращается к своему рукоделию.

— Ну, тогда расскажи нам о своей жизни, Пьетро, — до странности тихо произносит тетушка Мариса. — Это должно быть поинтереснее глухих сериалов, а?

Он пожимает плечами.

— Жизнь как жизнь. Как у всех.

Он никогда не мог придумать, что рассказать о себе теткам. Они всегда задают ему этот вопрос — и он всякий раз обещает себе придумать на досуге какую-нибудь легенду. Что-нибудь похожее на правду. Только не правду — страшно подумать, рассказать теткам правду.

— Как работа? — подсказывает тетушка Элен.

— Женщины, — говорит тетушка Виктория.

— Развлечения, — наугад произносит тетушка Анна.

Он принужденно смеется.

— Ничего такого, чего не было бы в сериалах, — отвечает он.

Это чистая правда.

Тетушка Анна грозит ему пальцем.

— А твоя невеста? — говорит она строго. — Ты разве не расскажешь нам о ней?

— Невеста?

— Ой, Пьетро, мы же не так оторваны от мира, как ты думаешь, —

сердито произносит тетушка Лиза. — Мы за тобой следим — ты же наш мальчик!

— Мы переживаем за тебя.

Они выжидательно смотрят на него. Даже тетушка Полина поднимает взгляд от кружева.

— Невеста? — переспрашивает он.

У него отчего-то пересыхает в горле.

— Ты же встречаешься с кем-то, — говорит тетушка Виктория. — Какая она?

— Встречаюсь? Это слишком громко сказано, — лепечет он. — Мы, конечно, давно знакомы...

— Ах, как мило! — тетушка Анна всплескивает руками. — Вы вместе учились?

Он качает головой.

— Пьетро, — тетушка Дамиана строго смотрит ему в переносицу, — ты ведь не забудешь познакомить нас с ней?

Он жалко улыбается и кивает.

— Судя по всему, ты так и собирался поступить, — тетушка Мариса удовлетворена. — Не стыдно?

— Не думал, что это будет вам интересно, — мямлит он.

— Я тоже не думаю, что мне будет интересно, — резко произносит тетушка Элен. — Нынешние девчонки много о себе мнят. Но приличия есть приличия.

Она чопорно поджимает губы, давая всем вокруг понять, что она готова ради этих самых приличий на все.

— Интересно, что она скажет об этой космической кошке, — говорит тетушка Виктория. — Пьетро, ты должен показать ей этот сериал. Это интересно. И... полезно, — она хихикает, стреляя в него глазками из-под густо накрашенных ресниц.

— Она сейчас слишком занята Синей Бородой, — говорит тетушка Анна. — Ей некогда отвлекаться на глупости.

— Синяя Борода — и есть самая настоящая глупость, — цедит тетушка Элен. — Сценарий совершенно себя исчерпал.

— О, надеюсь, она его не оставит. Я хочу знать — Жиль действительно любил Жанну? И он, правда, некромант? Пьетро, ты должен повлиять на свою подружку. Я хочу, чтобы Жилю удалось воскресить Жанну, и чтобы они были вместе.

— Интересно. Как ты себе это представляешь.

— Вот Адольф-Элоиз у нее остался жив.

— Овощ в инвалидном кресле, — фыркает тетушка Кларисса.

— Зато какое мощное решение! Какое возмездие — дать жизнь сознаниям всех загубленных тобой, используя ресурсы твоего же мозга!

— Вы называете это жизнью, дорогая? — возмущается тетушка Анна.

— Все, что происходит с Паулем, Ревеккой, маленьким Дитрихом?

— Это его кара, Анна! — выкрикивает тетушка Элен, в ее глазах загорается фанатичный огонек. — Его кара — пережить вместе с ними всю эту муку, эту агонию...

Он закрывает глаза.

Все. Пора драпать. Еще немного этого старушечьего бреда, и он свихнется. Какого черта ему тут сидеть, оставаться на обед, который тут подают черте когда вечером? Ночевать на сырых простынях, потому что здесь, в мазанных глиной стенах все сыреет, не успевая покинуть сушилки? Конечно, его обязательно пригласят остаться на ночь. Но он ни за что больше на это не согласится. Потому что ночью станет холодно — в доме не принято топить летом, несмотря на промозглые ночи. Все дрожат, кутаются в одеяла, поутру жалуются на холод и артрит, но ни в коем случае не топят — не сезон. Поэтому он не сможет уснуть. Он встанет, натянет на себя все, что есть, выйдет на улицу — там теплее, чем в доме. Но здесь на него накинется мошкара, которую тетушка Кларисса разводит в прудике возле альпийской горки. То есть она их, конечно, не разводит — они сами разводятся. Но она никогда в жизни не позволит осушить эту лужу. Она заляжет в засаде и будет охранять свой комарятник с дробовиком — в те ночи, когда будет свободна от караула около бегоний.

— Как ваши бегонии, тетушка Кларисса?

На миг становится тихо. Тетушка Элен замирает на полуслове с открытым ртом — она как раз что-то говорила с уже хорошо заметным фанатичным огнем в глазах. Секунду он наслаждается тишиной. А потом тетушка Кларисса гаркает:

— Это герань, дуралей!

— Кларисса!

— Как он мог сказать — бегонии? — тетушка Кларисса заводится с полуоборота, стоит только задеть ее цветы. — Я ненавижу бегонии! Я бы их свиньям на корм не дала бы!

— Кларисса, Кларисса, — тетушки со всех сторон кидаются к кухне Клариссе и принимают похлопывать ее по рукам, подавать ей чаю, предлагать носовые платочки, не забывая при этом — кто заговорщицки, кто с осуждением — поглядывать на него.

Он поднимается со стула и идет к калитке. Ему здесь нечего делать.

Он удовлетворен — как человек, хорошо сделавший свою работу. Он посетил старух, дал им понять, что он о них помнит и, может, по-своему любит. Во всяком случае, не бросит на произвол судьбы в этом отрезанном от цивилизации углу Вселенной. О том, чтобы этот угол был не просто изолирован — законсервирован — позаботились. Им так проще. Они живут в том мире, который их воспитал, без лишних стрессов, связанных с постоянной гонкой за меняющимся миром — не лучшее занятие в старости. Даже их допотопный телефон связан только с одной информационной точкой — его электронным секретарем. Он принимает вызовы и имитирует разговор с любым из абонентов, которых набирают иногда тетушки. Он же принимает заказы и передает их службе доставки, которая раз в три дня отправляет на хутор машину. Даже если завтра он, Пьетро, совсем забудет о своих тетушках, о них не забудет секретарь — и тетки не пострадают. Секретарь напомнит ему через три месяца, что надо посетить их снова. Секретарь сам предупредит их от его имени и его голосом, что он собирается «заглянуть на днях». Интересно, тетушки заметят, если он перестанет приезжать? Вот горничная заметит. Для нее его визиты — единственное полноценное развлечение. Они все-таки до тошноты современные, эти горничные — несмотря на то, что последнее время он старается подбирать женщин постарше. Все равно они не могут удовлетвориться телесериалами и вообще плоскими трансляторами. Именно это заставляет их чувствовать себя здесь несчастными, а не дурной нрав старух.

— Вы уже уезжаете, сеньор?

— Да, Леонора. Вот только зайду попрощаться.

Он возвращается в садик. Здесь уже царит мир и покой. Только тетушка Кларисса бросает на него воинственный взгляд — попробуй-ка, скажи еще раз «бегония»...

— Спасибо за приятный день, — говорит он прямо с порога.

Солнце светит ему в спину и они, конечно, не видят усмешки, от которой он все-таки не может удержаться.

— Ты уезжаешь, Пьетро? — спрашивает тетушка Анна, снова изображая на лице крайнюю степень удивления.

— Разумеется, он уезжает, Анна, — раздраженно произносит тетушка Мариса. — Ты же не думаешь, что молодой занятый мужчина будет торчать в твоей компании неделю?

— Но сейчас, — тетушка Элен растерянно помахивает куда-то в сторону. — Сейчас ему никак нельзя ехать. К тому же обед...

— Брось, Элен, — тетушка Дамиана брезгливо морщится. — Он съест гораздо лучший обед в ресторане.

— Вместе с симпатичной девчонкой, а не со старухами, — тетушка Виктория заводит глаза горе и стряхивает тушь, после чего заканчивает: — Хотя эти старухи наверняка любят его куда больше, чем та девчонка.

— До встречи, — говорит он и собирается уже повернуться, когда строгий окрик его останавливает.

— Подожди, Пьетро!

Тетушка Мариса. Ее снова слышно на трассе и у Престола Славы Господней.

— Все это, конечно, чушь. Но ты действительно собираешься ехать сейчас?

— Почему нет? — спрашивает он.

— Да потому, что сейчас два часа пополудни! — восклицает тетушка Мариса.

— Ну и что? Не пополуночи же.

— Да лучше бы была ночь! Сейчас ужасное солнце!

— Мариса! — строго окликает ее тетушка Элен.

Но тетушка Мариса только отмахивается.

— Вы можете делать вид, что все нормально, а я не стану! — выкрикивает она. Престол Славы Господней оглушен. Тетушка Мариса всем корпусом поворачивается к нему и упирает руки в боки. Тетушка Элен растерянно опускает глаза. Тетушка Полина нервно тербит рукоделие. Кто-то из теток роняет чашку в траву и тихо ахает.

— Ты что, забыл о своем сердце? — до странности тихо произносит тетушка Мариса.

— О сердце?

— Вот, — тетушка Мариса патетически воздевает руки. — Вот она, молодежь. Сама о себе ни за что не позаботится.

Он морщится. Ему только забот полоумных теток не хватало...

— У меня все хорошо с сердцем, — говорит он.

— С каких пор? — саркастически интересуется тетушка Элен.

Он пожимает плечами.

— В любом случае, в машине есть кондиционер.

— Ты беспечен, племянник, — тихо говорит тетушка Полина, снова опуская взгляд на кружево. — Твой отец тоже был беспечен. В результате сначала появился ты, а потом умер он сам.

Пьетро круто разворачивается, выходит из садика, пересекает двор и садится в машину. Мотор заводится, машина резко рвет с места, выписывает дугу, обдавая двор с его лавочками, ухоженными клумбами и прочей дребеденью тучей пыли. Его визиты всегда заканчиваются примерно оди-

наково. Старухи его ненавидят. И он платит им взаимностью.

***

Жара действительно стояла немилосердная — кондиционеры работали на полную мощность, отчего в горле начинало першить. Но стоило их отключить, за две минуты машина нагревалась, как консервная банка, через приоткрытое окно летела пыль — и в горле першило еще сильнее.

Машина заглохла на том самом месте, где и в прошлый раз — до выезда на проселок оставалось не больше полутора километров. Это была подлость. С тех пор, как это случилось с ним первый раз, он не ездил на хутор в нежных городских автомобилях — для этих поездок у него был внедорожник, который просто не мог заглохнуть из-за какой-то там пыли или небольшого ухаба.

Он вышел из машины и открыл капот. Ритуальный жест — он ничего не смыслил в автомобилях, для того существовали сервисные службы и протоколы обмена. Он полез в карман за информатором. Но не обнаружил его. По-видимому, где-то забыл. На хуторе, или, вероятнее, в рабочем кабинете. Информатор был с ним связан — когда он слишком от него удалялся, срабатывала сигнализация. Но он иногда ее отключал. Например, когда уходил на прогулки по лесу, где информатор был совершенно лишним. Вот, наверное, и в этот раз отключил — да и позабыл.

Он полез в машину и включил встроенный информатор. Это было даже удобнее — он пошлет вызов на сервис, и они смогут сразу идентифицировать машину по позывному. Ему это почти удалось. Он успел коснуться идеограммы вызова, но экран мигнул и потребовал повторить операцию. Он повторил. Но операция снова прервалась. А еще после трех или четырех все более нервных повторов, экран стал тусклым, металлический голос потребовал перезагрузки системы. После отключения информатор не ожил. Возможно то, что остановило мотор, поразило каким-то образом весь организм машины.

Он сел и откинулся на спинку кресла. Приступ паники сменился апатией. Вот, оказывается, как просто — один информатор забыл, второй по каким-то причинам умер, и все. Ты один посреди незнакомых долин. И цивилизация где-то совсем рядом, ведь люди очень плотно населили планету, но ты не знаешь, в какую сторону тебе идти. Ведь ты всю жизнь ориентировался по информатору, указателям и спутниковым навигаторам.

Впрочем, у него был один путь — наверняка не самый короткий, но с него он точно не собьется. Можно идти по дороге. Выйти на проселок. По нему ездят редко — но все-таки ездят. Он будет двигаться в направлении

трассы, и рано или поздно кто-нибудь будет проезжать мимо и поможет с вызовом сервиса. А может, и подбросит — хотя бы до трассы. Он часто совершает плановые пешие прогулки. Вот, будет еще одна, незапланированная.

Он вылез из машины, которая, несмотря на распахнутые двери, успела раскалиться едва не докрасна. Вокруг под слабым горячим ветром покачивалась высокая кукуруза. Наверное, прямо за ближайшим холмом находится ферма. А может, не за этим, а за тем. Он накинул на голову куртку, расстегнул рубашку и пошел в направлении проселка.

Он не сразу заметил, что дышать становится труднее. А когда заметил, сначала подумал, что взял слишком быстрый темп. Он откинул края куртки и осмотрелся. Перед глазами плыло. Впереди он увидел дорогу, по которой одна за другой неслись машины. Слишком оживленно для проселка. Может, он его проскочил? Мысли смешивались. Всплывали почему-то в памяти старухи с их сериалами. Рауль и Жиль. Или Роза. Зрение застили красные и слепящие белые пятна. Кажется, они говорили, что у него больное сердце...

Это у трансгрессора-то?

Откуда вообще у трансгрессора сердце? По штатному расписанию не положено.

Или это было такое проклятие? Старые ведьмы...

Впрочем, кто-то ему говорил...

Нет, она не о сердце говорила. О солнце. Берегись яркого солнца, Мельник...

Кто это — Мельник?

Ноги подкосились, но удара о землю он уже не почувствовал.

***

Он бы вывалился из кресла — прямо на пол, если бы не ремни. Они врезались в плечи, замок воткнулся в живот, словно затупившаяся пика.

— Мать Божия, — простонал он, едва восстановив дыхание. — Дармоеды поганые, вы когда-нибудь отрегулируете этот чертов трансформатор? В один прекрасный момент я просто окочурюсь...

Дежурный фантомотехник даже не повернул головы от контрольного экрана.

— Умирать всегда неприятно, — философски заметил он.

— Как будто ты пробовал, — проворчал Мельник, отстегивая ремни. — И зачем обязательно умирать? Не можете запрограммировать похищение инопланетянами? Или случайного пространственно-временного скачка?

— Теоретически запрограммировать можно все, — охотно отвечал техник. — Вопрос в затратах ресурсов. Внезапная смерть в безлюдном месте — самый эффективный способ трансгрессии. Затраты минимальные.

— Затраты у них... А если я действительно сдохну в процессе?

— Вы не сдохнете в процессе, Мельник. С вами все хорошо, — техник ткнул пальцем в экран. — Через пятнадцать минут вы вообще обо всем забудете.

Мельник отмахнулся — он и сам об этом знал. Но сейчас, сию минуту, ему было скверно и не брзжать было невозможно. Затраты ресурсов они считают...

— Лучшее, что мы могли бы вам предложить — тихую смерть во сне в собственной постели, — продолжал техник, перемещаясь к экрану с биометрической информацией. — Но это потребует затрат. В случае если вы умрете, и вас найдет кто-нибудь из представителей фантомного мира, вы больше не сможете там появиться. А сделать так, чтобы вас не нашли или нашли, а потом об этом забыли... Дешевле запрограммировать инопланетян...

Мельник, наконец, заставил себя вылезти из кресла и, пошатываясь, направился к двери.

— Я свободен? — на всякий случай спросил он.

Фантомотехник еще раз придиричиво глянул на экран и кивнул.

— Я не в восторге от вашей биометрии, — сказал он, — но сейчас вам нельзя терять время. Забывание начнется через пять с половиной минут.

Мельник кивнул и вышел.

Через две минуты он сидел в аппаратной и бубнил в микрофон — все, о чем говорили старухи, о чем он сам думал, что видел на хуторе — и старое, и новое, — старательно протоколировалось. Ему несколько раз пришлось повторить свои детские воспоминания. Техник, следивший за МРТ, возвращал его к началу — он то забывал что-то упомянуть, то сознательно скрывал, то его воображение дорисовывало несуществующие детали. Потом он долго вспоминал, на какую ногу прихрамывала собака. Он нервничал, потому что забывание должно было начаться вот-вот, а он добрался только до середины истории. Техник монотонно пообещал укол успокоительного и отметку в журнале. Он постарался взять себя в руки — и разозлился еще сильнее. Запись вместо пяти минут длилась все семь с половиной — и он наверняка под конец что-то напортачил. Техник, впрочем, сделал вид, что ничего не произошло. И Мельник направился в рекреационную зону — забывать.

Он почти допил крепкий холодный коктейль номер семь — его вы-

давали в рабочее время только трансгрессорам в состоянии забывания — когда прямо перед ним возникло еще одно кресло, а в кресле образовалось начальство. Мельник нервно хватанул вместе с ледяным коктейлем глоток воздуха — это не был шеф его родного отдела фантомотехники. Это был сам Великий Шеф агентства моделирования ситуаций «Идеальная модель».

— Мне нужны твои впечатления, — без предисловий произнес он.

— С каких пор мы работаем с впечатлениями? — кисло поинтересовался Мельник.

И с каких пор трансгрессору не дают расслабиться после сеанса, — это уже про себя.

Великий Шеф пропустил его реплику мимо ушей и продолжал сверлить его начальственным взглядом. Мельник вздохнул и отставил стакан в сторону.

— О каких именно впечатлениях вы спрашиваете, Шеф? — он глянул на часы. — Уже минут десять, как я не поручусь за свои впечатления.

— Я говорю о твоих впечатлениях после... — Шеф замылся — он не был трансгрессором и не мог с легкостью произнести «после смерти». — После выхода из трансформации.

— Интерпретации — не мое дело, — осторожно напомнил Мельник.

— И не мое, — раздраженно произнес Великий Шеф. — Мое дело снять с фантомного мира точную информацию, расшифровать и передать заказчику модель. Толкует пускай сам. Все, что я могу и должен — поручиться, что трансгрессор передал точную информацию.

— Вы не уверены в точности моей передачи?

— Не бывает точных передач, — отрезал Шеф.

Мельник и сам это знал. Личность трансгрессора так или иначе влияла на передачу. Поэтому фантомные миры чаще всего создавались с учетом особенностей сознания трансгрессора, который будет с ним контактировать.

— Попытайтесь вычислить искажения?

— Попытаюсь понять их масштабы. Раз уж я не в состоянии понять их природу.

Мельник хмыкнул.

— Природу... Мой Шеф, если бы вы знал тетушку Марису... — он покачал головой. — Они же просто сумасшедшие старухи. Разве можно общаться полдня с сумасшедшими и остаться полностью в здравом уме?

Великий Шеф нервно глянул на часы.

— Тетушка Мариса, значит..., — сквозь зубы пробормотал он.

— Да. А что?

— А то, что прошло уже двадцать две минуты после начала забывания. И..., — он взял со столика стакан и принюхался, — и коктейль номер семь. А ты по-прежнему помнишь свою тетушку Марису.

— Значит...

Он запнулся. Они оба знали, что это значит — в лучшем случае, долгий отпуск и дорогостоящая реабилитация. Настолько дорогостоящая, что проще сразу зафиксировать профнепригодность.

Что ж, трансгрессоры быстро ломаются. Судя по тому, как Великий Шеф опустил глаза, он думал о том же. Дела у агентства «Идеальная модель» шли весьма неплохо. Рынок был на подъеме — все больше клиентов в бизнесе, политике и даже некоторых науках принимали решения только после обработки и символической апробации своих идей в фантомных мирах. Но вкладывать деньги, необходимые для совершенствования программ фантоматов, протоколов расшифровки и моделирования результатов, в реабилитацию трансгрессоров — просто непозволительное расточительство. Иногда это делали — если заказчик настаивал на продолжении эксплуатации фантомного мира, созданного под сознание конкретного трансгрессора. Но это случалось редко. Заказчикам было наплевать, какой именно мир моделирует их ситуации, и чьи именно мозги при этом превращаются в кашу.

— Где проведешь отпуск?

Мельник криво усмехнулся, давая Великому Шефу понять, что дипломатичная форма вопроса не вводит его в заблуждение.

— Я обещал теткам познакомить их с Дорси. То есть на весь отпуск мы там, конечно, не останемся — но заедем обязательно. Пускай старухи потешатся.

— Дорси? Сценаристка из программного отдела? Вы встречаетесь?

Мельник фыркнул.

— Мы встречаемся уже лет пять. Просто она только позавчера соизолила, наконец, сказать «да».

— Почему я не знал?

— А почему вы все должны знать?

— Потому что любые связи трансгрессора...

— ...могут повлиять на показания. Не надо, Шеф. Мы встречаемся уже пять лет. У меня были проколы сверх статистически допустимых? До сегодняшнего дня, я имею в виду...

***

- Макс, все, что касается «Пьетро» — мне на стол.
- Да, мой Шеф. Я правильно понимаю — мы его сворачиваем?
- Ни в коем случае, Макс.
- Но Мельник...
- Что — Мельник?
- Мой Шеф, показатели биометрии в красной зоне.
- Какие?
- Да все!
- Вот именно, Макс — все!
- Заказчик желает сохранить этот мир, мой Шеф?
- Чихал я на заказчика. К тому же я его не знаю — в данном случае, я имею дело с посредниками.
- Это точно?
- Проверил.
- Но... в таком случае. Если мы свернем «Пьетро» даже без ведома заказчика — это нам ничем не грозит?
- Я не собираюсь сворачивать «Пьетро».
- Но Мельник, мой Шеф! Он же сошел с ума!
- Сошел с ума — это когда в красной зоне три показателя, Макс. Пять. Восемь. Но у Мельника в красной зоне все показатели. Все двадцать шесть одновременно с одним и тем же, если не ошибаюсь, коэффициентом! Что это значит, Макс?
- Я не фантомотехник, мой Шеф.
- Кто-то перехватил управление фантомным миром «Пьетро», Макс — вот что это может значить.
- Как? И... зачем?
- Вот я и хочу понять — как. А зачем... Ты знаешь, для чего он был создан?
- Нет, конечно.
- Я тоже не знаю. Ты знаешь Дорси из программного?
- Это такая маленькая, с широкой попой? Она ничего.
- Она наш лучший сценарист, Макс.
- Ах, вот как... А почему вы о ней спросили?
- Потому что она уже пять лет встречается с Мельником.
- Нет, мой Шеф, вас неправильно информировали. Во-первых, не пять лет, а пять месяцев. Во-вторых, с Камерон из технического, а не с Дорси из программного. В третьих, Дорси, судя по Камерон, не в его вкусе. И потом...
- Дорси беременна.

— Что? Откуда вы знаете?

— Так думает тетушка Лиза, Макс. Я ей верю. Тетушка Лиза никогда не ошибается на этот счет.

— Значит, Мельник таки сошел с ума... В этом есть свои преимущества...

— Что вы там бормочете, Макс? Какие преимущества?

— Нет-нет, это я о своем, Шеф. Наверное, надо поддержать Камерон. Ей сейчас нелегко. Приглашу ее куда-нибудь поужинать...

— Не думаю, что это сумасшествие, Макс. Думаю, Мельник... Это теперь просто немного другой человек.

***

Дорси выключила инфосистему и потеряла глаза. Дело сделано. Пятнадцать минут на марафет — и на выход. Опоздает ровно на полторы минуты. Мельник как раз успеет слегка заволноваться. Пускай. Это даже хорошо. Полторы минуты — ничтожная плата за ее двухнедельный труд над этим чертовым старушечьим сценарием. Но если бы не этот труд, тупица Мельник и дальше делал бы вид, что не замечает ее стараний. Через пятнадцать минут он будет ждать ее у выхода из офиса. Они поедут прямо к ней домой — он поедет туда впервые, но будет уверен, что выучил этот маршрут наизусть за последние пять лет. Кстати, надо сесть за руль — он же на самом деле дороги не знает. Найти удобный предлог нетрудно — он после тяжелого сеанса. Все будет хорошо, если он не спросит о беременности.

Эту проблему надо решить быстро — по возможности, этой же ночью.

Ей не в чем себя упрекнуть: Мельник будет с ней счастлив. А с долговязой стиральной доской Камерон из технического — нет. Кстати, она-то не беременна ли часом? Ведь тетушка Лиза в этих вопросах никогда не ошибается...

***

— Все как по маслу, Питер! Мы просто монстры фантомотехники!

— Босс?

— Доставай из сейфа... ну, сам увидишь, что.

— Да скажете вы толком, что происходит?

Стук металлической дверцы, скрип пробки, характерное бульканье.

— За наш успех, Питер!

— За наш успех, Босс!

Тишина. Вздох. Шелест пластиковых стаканчиков.

— А теперь, если позволите, — о каком успехе речь, Босс?

— Мы ее получим, Питер. Мы получим эту девчонку Дорси из «Идеальной модели».

— А, сработало!

— Еще как. Теперь у нас в распоряжении самый классный сценарист на рынке. Она будет работать на нас, а платить ей и дальше будут «идеалисты»!

Хохот.

— А как быть с Мельником?

— Пускай работает. У нас пока нет другого способа добраться до ее мозгов, кроме проекта «Пьетро».

— Но проект «Пьетро»...

— Чихать на «Пьетро» — там сидит такой жучок, какого их техникам не вычислить никогда. Особенно после того, как старик Мельник малость повредился в уме.

— Но проект «Пьетро»...

— Заткнись, Питер, будь другом — просто заткнись. Мы можем выпить за успех?

— Конечно, Босс.

Характерное бульканье.

***

— Мариса, когда Пьетро придет со своей невестой, постарайся говорить потише, дорогая.

— Да я в этот раз просто связки надорвала, Анна!

Тетушки чокаются чашками с чаем и залиvisto смеются. На террасу выглядывает тетушка Элен.

— Мариса, Соло снова хромает, — озабоченно произносит она.

Тетушка Анна кивает.

— Разумеется, он хромает, кузина.

Тетушка Элен качает головой.

— Он хромает не на ту лапу, Анна.

— И, кстати, Кларисса, поменяй герани на бегонии, дорогая, — повернувшись к открытой двери, громко произносит тетушка Мариса. — Наш Пьетро теперь появится раньше. Гораздо раньше.

— Мариса, так как быть с лапой Соло?

— Элен, милочка, — с укором произносит тетушка Мариса, — у Престола Славы Господней это наверняка заметили раньше, чем ты.

— Надеюсь, кузина.

Тетушка Элен тоже присаживается за столик и тянется к заварнику.

— К приезду Пьетро надо будет поменять сервиз, — замечает она. — Дорси вряд ли понравится такая старомодная обстановка.

— Лиза, ты уверена, что эта Дорси подходит Пьетро больше, чем Камерон?

Тетушка Лиза пожимает плечами и поправляет кружевную шаль.

— На этой неделе пускай приедет с ней — а там видно будет. Куда спешить? Пьетро еще такой молодой.

— А малышка Камерон точно беременна?

Тетушка Лиза важно кивает.

— Это вопрос решенный, — говорит тетушка Мариса. — Вот только от кого?

Тетушки лукаво переглядываются.

— Ну, посмотрим пока на эту Дорси, — решительно произносит тетушка Элен.

— Разумеется, кузина, — говорит тетушка Кларисса, входя на террасу с цветочным горшком. — Кто же еще позаботится о Пьетро, кроме нас и Престола Славы Господней?

— Ох, конечно, — тетушка Дамиана всплескивает руками. — Он же наш мальчик!

Тетушка Кларисса раздраженно бухает горшок на стол.

— Девочки, это бегония или герань?

— Какая разница, дорогая?

Тетушки переглядываются, кивают и улыбаются солнцу, пробивающемуся сквозь густую листву огромного старого сада.